

Историческое пространство в песнях XVIII в. о Русско-турецких войнах

Татьяна Григорьевна Иванова

(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4)

Аннотация. В статье рассматриваются исторические песни XVIII в., посвященные Русско-турецким войнам 1768–1774 и 1787–1791 гг. Предметом исследования является историческое пространство песен, выраженное топонимами. Анализируется оппозиция «свой»/«чужой» в связи с топонимами Россия и Турция, исследуется место столичных городов Москва, Петербург, Киев в поэтике исторических песен. Обращается внимание на то, что столица Турции в фольклоре именуется и ее официальным именем, и старинным именем Царьград, знакомым со времен Древней Руси. Историко-песенный фольклор XVIII в. аккумулирует в себе топонимы разных временных пластов, сохраняя наследие предыдущих столетий (Русь → Россия; Киев → Москва → Петербург; Царьград → Стамбул). Топонимы оказываются весьма выразительны в демонстрации преемственности традиции. Подчеркивается, что для исторических песен на первом месте оказывается Москва, а не Петербург. Рассматриваются также бывшие турецкие локусы Причерноморья, ставшие актуальными для русских солдат в связи с военными действиями в этом регионе (Очаков, Березань). Второй регион, находящийся в центре внимания, — Днестровско-Прутско-Дунайское пространство (Дунай, Силистрия, Хотин, Бендеры, Измаил). Специально подчеркивается, что в топонимах Дунай и Троянова дорога отсутствует мифологический подтекст, имеющийся в других (не песенных) произведениях фольклора. Рассматриваются связи историко-песенного фольклора XVIII в. с предшествующей фольклорной традицией.

Ключевые слова: исторические песни XVIII в., Русско-турецкие войны, историческое пространство, топонимы, солдатские песни и фольклорная традиция.

Дата поступления: 5 марта 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

Для цитирования: Иванова Т. Г. Историческое пространство в песнях XVIII в. о Русско-турецких войнах // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 26–40.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.002>

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ XVIII в.

В XVIII в. в сферу внимания исторических песен вошли две новые территории — северночерноморские земли и Днестровско-Прутское междуречье, принадлежавшие Османской империи. Россия на протяжении XVIII в. четырежды оказывалась в военной конфронтации с беспокойным южным соседом.

1710–1713 гг. Главным событием этой войны стал неудачный Прутский поход Петра I. В 1711 г., желая вынудить турок выслать шведского короля Карла XII, нашедшего после Полтавской битвы (1709) убежище в Бендерах (Османская империя), Петр I выступил в поход в Бессарабию (междуречье Днестра, Прута и Дуная), лично возглавив армию при

фельдмаршале Б. П. Шереметеве. Русская армия 19–21 июля 1711 г. была прижата к правому берегу р. Прут (левый приток Дуная) и оказалась в безнадежном положении. Петр I вынужден был просить перемирия. По легенде, находившаяся с ним в армии Екатерина отдала турецким военачальникам в качестве выкупа (и подкупа) свои драгоценности.

Переговоры с турецкими военачальниками вел Петр Павлович Шафиров (1669–1739), дипломат петровского времени. Требования со стороны османов были следующие: возвращение Турции Азова; разорение крепостей Таганрога и других городков на завоеванных Россией землях в Приазовье; отказ от вмешательства в польские и запорожские дела; свободный пропуск в Швецию Карла XII. Петр I вынужден был принять эти требования. Русская армия с оружием и знаменами ушла из Бессарабии, но военные действия, хотя и вяло, продолжались еще два года. В 1713 г. Адрианопольский мир подтвердил основные условия заключенного в 1711 г. перемирия.

1735–1739 гг. Причиной войны стали продолжавшиеся набеги на южнорусские пределы крымских татар — вассалов Османской империи. Цель войны со стороны России — выход к Черному морю. В кампанию 1736 г. русские войска (во главе с Бурхардом Минихом) взяли Перекоп, вошли в Крым, дошли до Бахчисарая, разорили ханский дворец. Генерал Михаил Иванович Леонтьев без боя захватил крепость Кинбурн (Черноморское побережье). В кампанию следующего года был взят Очаков (Б. Миних). В 1738 г. Б. Миних пошел в Бессарабию, но вынужден был прервать поход, так как там разразилась чума. Этот же мор заставил русских оставить Очаков и Кинбурн. В 1739 г. Миних вновь направился в Бессарабию, взял Хотин и Яссы. Однако неудачи российских союзников — австрийцев — заставили Россию пойти на мирные переговоры. По Белградскому миру (1739) итоги войны для России оказались очень скромными. Азов турки вернули России, но право иметь свой флот на Черном море она не получила. Вся торговля должна была осуществляться при посредстве османских судов.

1768–1774 гг. Следующая Русско-турецкая война приходится уже на

правление Екатерины II. Задачи перед Россией стояли те же — контроль Крымского ханства, выход к Черному морю. Турция со своей стороны претендовала на Подолию и Волинь, расширение своего присутствия на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, установление протектората над слабеющей Речью Посполитой. Война оказалась ключевой для России. Главными сражениями были победные для России битвы: при р. Ларге (левый приток Прута, ныне Молдова) 7 июля 1770 г. (П. А. Румянцев); на р. Кагул 21 июля 1770 г. (Молдова); при д. Козлуджи (ныне с. Суворов в Варненской области Болгарии) 9 июня 1774 г. (А. В. Суворов и М. Ф. Каменский). На море победы были в Хиосском и Чесменском сражениях (Алексей Орлов и Григорий Спиридов).

Война закончилась выгодным для России Кючук-Кайнарджийским миром (д. Кайнарджа в Силистринской области Болгарии), заключенным 10 июля 1774 г. За Россией были признаны Азов, черноморская крепость Кинбурн, а на территории Крыма — Керчь. Крымскому ханству был придан статус независимого от Османской империи государства. Россия получила право на собственный флот на Черном море.

1787–1791 гг. К новой Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. привели следующие обстоятельства и события. По результатам войны 1768–1774 гг. Крымское ханство было признано свободным от вассальных обязательств перед Османской империей. России удалось посадить на престол хана Шан-Гирея, лояльного к России. Однако противоборство разных политических сил при дворе хана заставило его в январе 1783 г. отречься от власти. Екатерина II решила на кардинальный шаг: в апреле 1783 г. она издала указ о включении Крыма в состав России, что, естественно, вызвало негодование в Стамбуле у султана Абдул-Хамида [Овчинников 2015]. Но слабеющая Османская империя в тот момент к новой войне была не готова. В первой половине 1787 г. Екатерина II совершила свое знаменитое путешествие на юг России (Киев → Днепр → выход в Черное море), организованное Г. А. Потемкиным, который руководил освоением вновь присоединенных земель. 12 августа 1787 г. Турция объявила России войну.

Военные действия разворачивались на Черноморском побережье и в Бессарабии. Главными событиями войны стали попытка высадки турецкого десанта у русской черноморской крепости Кинбурн (1 октября 1787), успешно отбитая А. В. Суворовым; взятие Хотина в Бессарабии в сентябре 1788 г. (командующий П. А. Румянцев); осада и взятие 6 декабря 1788 г. черноморской крепости Очаков (командующий Г. А. Потемкин); разгром турок под Фокшанами в Бессарабии в июле 1789 г. (А. В. Суворов); поражение турок на р. Рымник в Бессарабии в сентябре 1789 г. (А. В. Суворов); взятие Бендер в Бессарабии в ноябре 1789 г. (Г. А. Потемкин); взятие крепостей Килия и Тульча в 1790 г.; взятие Измаила в декабре 1790 г. (А. В. Суворов).

Война завершилась мирным договором в декабре 1791 г. в г. Яссы (Бессарабия). Турция вынуждена была признать права России на Крым и Северное Причерноморье. Границей между двумя империями стал Днестр, т.е. российская граница отодвинулась на запад [Хронологический указатель 1908, 39–41, 50–64, 95–160, 164–181; Брокгауз — Ефрон 1902; Сов. ист. энцикл. 1968; БСЭ 1975; БРЭ 2015; Петров 1880; Петров 1893].

* * *

В академической антологии «Исторические песни XVIII века» [ИП 1971]¹ песни о Русско-турецких войнах объединены в один цикл (№ 440–493); к нему примыкают также сюжеты «Суворов едет по полкам» (№ 494), «Суворов ранен» (№ 495–499) и «Солдаты хоронят Потемкина» (№ 500). Подавляющее большинство песен было сложено в солдатской среде — социальном слое, созданном в ходе реформ Петра I и игравшем решающую роль в военных и других событиях XVIII столетия. Казачья составляющая в этом песенном цикле незначительна. Судя по всему, песни отразили события двух последних Русско-турецких войн (1768–1774 и 1787–1791); ни несчастный Прутский поход Петра I, ни война 1735–1739 гг. в историко-песенном фольклоре не запечатлены (или не дошли до времени начала собирательской работы). Причина этому, по-видимому, кроется в малой

результативности первых двух Русско-турецких войн.

Историческое пространство в песнях организуется топонимами, которые в этом цикле, во-первых, служат для воплощения главнейшей мифологемы фольклорной культуры — «свой»/«чужой»; во-вторых, отражают какой-либо эпизод из событий, в которых участвовали солдаты, т.е. песни выполняют важнейшую хроникальную функцию.

РОССИЯ И ТУРЦИЯ — «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ»

В цикле песен о Русско-турецких войнах, естественно, важной является тема противопоставления двух воюющих стран. Русское государство называется топонимом, отвечающим историческому времени — *Россия*. Так, в сюжете «Турки похваляются захватить Румянцева (Потемкина)» противник похваляется: «Мы *Рассею* всю насквозь пройдем, / Мы Румянцева во полон возьмем!» (№ 442, ст. 5–6). В топосе похвалы может появляться и форма *Россиюшка* (*Рассеюшка*) (№ 441, ст. 12; № 443, ст. 13), уже освоенная фольклорной традицией в предыдущем столетии. Единично встретилась формула «русская земля»: «Мы за землю нашу русскую» (№ 485, ст. 21; сюжет «Взятие Очакова»). Однако цикл песен конца XVIII в., как мы покажем ниже, сохраняет и древнюю форму *Русь*, освоенную еще художественным языком былин и закрепленную в песнях XVI в.

Турция — военный противник России — в песнях единично именуется *Туречиной*:

Собиралася да снаряжалася
Наша армия в путь-дороженьку,
В путь-дороженьку, во *Туречину*
(№ 472, ст. 1–3, «Суворов переправляет войско на плотах»).

Туречина, что вполне ожидаемо, получает эпитеты «неверная» (№ 472, ст. 16) и «злая» (№ 472, ст. 29). Туречина в песнях, подчеркнем, — это пространство Северного Причерноморья и Бессарабии, точно в виде крепостей принадлежавшее в XVIII в. Османской империи.

В песнях устойчиво употребляется этноним *турки*, равно как и прилагательное

турецкий (например: «Наши начали па- лить, с *турок* головы валить, / А *турецкие* головки, ровно шапочки, летят» — № 440, ст. 7–8, сюжет «Румянцев ведет войско против турок»). Топоним *Османская им- перия* (официальное название государ- ства) или этноним *османы* песни не зна- ют, но редкий для фольклорной традиции этноним *агаряне* единично встретился: «Окружили нас *агаряне*» (№ 446, ст. 29, «Победа при Кагуле»). Этноним *агаряне* (от имени библейской Агари, наложницы бездетного Авраама, родившей ему сына Измаила) в церковно-славянском языке (т.е. в книжной культуре) употреблял- ся, как правило, по отношению к арабам и, шире, к магометанам вообще.

Сема «чужой» заложена не только в то- пониме *Туречина*, но и в гидронимах *Сре- диземное море* и *Черное море*. В песнях морской тематики обозначена оппозиция *Средиземное море / Русь* и *Черное море / Русь*, причем обратим внимание на то, что в данных текстах используется фор- ма *Русь*, а не *Россия*. За этой оппозицией прочитывается формула «синее море», в которой заложена семантика «инога» мира. В историко-песенном фольклоре «синее море» в данном случае дополня- ется геополитическим смыслом «чужого» пространства. Сюжет «Русский адмирал грозит туркам» (№ 469) начинается стро- ками, обращенными к стихиям:

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Вы, буйные ветры, осенние!
Успокойся ты, *море синее*,
Не волнуй, *море Средиземное!*
(№ 469, ст. 1–4).

Далее описывается, как по указу «царя белого» «Снаряжался флот со *белой Руси*, / Со брегов Невы-реки славные» (№ 469, ст. 14–15).

В песне «Спиридов и матросы» (№ 470) также упоминается топоним *Средиземное море*:

Не цветами *сине море* покрывалось,
Не лазоревыми *Средиземное* украшалось,
Расцветало *сине море* кораблями <...>
российскими флагами
(№ 470, ст. 1–5).

«Скиридов-генерал» утешает матросов: «Воротимся мы в *Русь* с победой» (№ 470,

ст. 12). Григорий Андреевич Спиридов (1713–1790) — полный адмирал русского флота, участник Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., Семилетней войны 1756–1763 гг., Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В ходе последней войны Спири- дов совершил переход из Балтийского моря в Средиземное — в Эгейское море, где в Чесменском заливе, около турецко- го порта Чесма (побережье Малой Азии), 25–26 июня 1770 г. русская эскадра одер- жала убедительную победу над турецким флотом: практически полностью его со- жгла. Командующими русскими корабля- ми были Спиридов и Алексей Орлов.

В сюжете «Солдаты на корабле» герой отправляется в «чужую дальнюю сто- рону» — «В *турецкую* землю, в *Черное море*» (№ 471, ст. 16). Таким образом, не только Средиземное море, но и Черное море в 1768–1774 гг. мыслится «чужим» пространством («турецкая земля»), что полностью отвечало исторической дей- ствительности того времени: Россия, на- помним, к началу войны в 1768 г. не имела еще ни одного порта на Черном море. Об- ратим внимание, что песня «Солдаты на корабле» для обозначения «своего» про- странства использует топоним *Русь*: на святой Руси есть трава, которая утишает тоску матерей (ст. 9). Предпочтение фор- мы *Русь* (а не *Россия*), повторим еще раз, не исключено, вызвано тем, что в песнях морской тематики пространство выра- жено также древней формулой «синее море», сложившейся еще в былинах, знав- ших только топоним *Русь*. Одна архаиче- ская формула («синее море») притягивает к себе другую (*Русь*).

Песня «Казачи возвращаются из по- хода» (№ 492) начинается с топонима *Черное море*, соположенного с *Каспицким (Каспийским) морем* и «батальицем ту- рецким». Весь топонимический и этно- нимический ряд заключает в себе сему «чужое»:

Прошли казачушки с *моря Черного*,
Со *Черного со моря*, со *Каспицкого*,
Со того ли *батальица со турецкого*
(№ 492, ст. 1–3).

Казачество, хорошо знавшее простран- ство Каспийского моря, на берега кото- рого казаки совершали набеги, сближает топонимы *Черное море* и *Каспийское море*.

Геополитическая оппозиция «свой»/«чужой», что вполне ожидаемо, прочитывается и в названиях столиц обоих государств. Однако подчеркнем, историко-песенный фольклор во второй половине XVIII в. столицей России продолжает считать не Санкт-Петербург, а Москву. Новая столица лишь эпизодически упоминается в песнях.

«**Каменна Москва**» (постоянный эпипет, закрепившийся в фольклорной традиции еще с XVI в.) предстает как цель войны для турок, что, понятно, не отвечало исторической действительности. Турецкий визирь грозит: «В *каменну Москву* взойду, всю ногами растопчу!» (№ 452, ст. 10, «Казачи снимают турецкий караул»). Ответ также дан в духе древней фольклорной традиции: «Не бывать тебе, собаке, в *каменной Москве!*» (ст. 12).

В абсолютно вымышленном сюжете «Румянцев в плену» (№ 468) государыня Екатерина Алексеевна, надев черное платье, оплакивает пленение своего военачальника: «У нас не стало правителя в *каменной Москве*, / Славна воина Румянцева» (№ 468, ст. 13–14).

Как уже было сказано, **Санкт-Петербург** в рассматриваемом песенном цикле занимает очень скромное место. Однако, как и в случае с Москвой, противостояние песен, где появляется Петербург, строится на противопоставлении «свой»/«чужой». В сюжете «Казачи возвращаются из похода» герои из чужого пространства (Черное море) идут мимо Петербурга. Государыня спрашивает у «молоденького полковничка»: «Ты не отдал чести городу *Питеру*: / Не чаял ты в городе государыни?» (№ 492, ст. 13–14), т.е. здесь явно указывается на столичный статус города, в котором находится императрица.

В одном из вариантов сюжета «Суворов ранен» полки с раненым полководцем также движутся из «чужого» пространства, обозначенного целым рядом топонимов. В реальности они не связаны друг с другом, но в совокупности их комплекс усиливает сему «чужое». По тексту песни, ясный сокол

Далеко глядел в *степь Саратовску*,
В *степь Саратовску*, в *землю шведскую*,
В *землю шведскую*, в *землю турецкую*.
По степе идет два полка казак
(№ 498, ст. 9–12).

Казачи в этой песне также идут «мимо городу, мимо *Питеру*» (№ 498, ст. 21), где Суворов встречает его мать. Как и в песне «Казачи возвращаются из похода» (№ 492), в этой казачьей песне (записана в Сибири около Семипалатинска) прочитывается художественный опыт фольклорной традиции: используются топонимы *степь Саратовская*, *земля шведская*.

Интересно, что в другом варианте сюжета «Суворов ранен» вместо Петербурга называется **Киев**: «Мимо города, мимо *Киева*, / Мимо крепости государевой» (№ 497, ст. 19–20). При внешней случайности замены Петербурга Киевом здесь явно сказывается логика фольклорной традиции: новая столица Российской империи в устно-поэтической памяти народа мыслится наследницей столицы Древней Руси, имя которой укоренено в былинах.

Петербургская тема сказывается и в гидрониме **Нева**, единожды зафиксированном в песне «Русский адмирал грозит туркам»: флот с «берегов *Невыреки* славные» (№ 469, ст. 15) направляется в Средиземное море.

«Своим» столицам (Москва, Питер и Киев) в историко-песенном фольклоре противопоставляется «чужой» **Стамбул**. Стамбул не является частотным топонимом в песнях о Русско-турецких войнах, однако название османской столицы, как свидетельствует фольклорная традиция, было известно солдатам. Официальное имя города запечатлено в сюжете «Взятие Очакова». Солдаты в ответ на призыв Потемкина перед штурмом Очакова заявляют: «Лишь рукой махни — Очаков взят, / Слово вымолви — *Стамбул* падет» (№ 488, ст. 23–24; см. также № 484, ст. 13–15).

Стамбул, напомним, имеет сложную историю наименований. Город, расположенный на берегу пролива Босфор и возникший в VII в. до н.э., некогда назывался Византий, что и дало впоследствии имя империи Византии. В 330 г. римский император Константин I Великий перенес сюда из Рима столицу Римской империи и велел называть город Новым Римом, но название это не прижилось. Город стали именовать Константинополем. С разделением Христианской церкви на католичество и православие (1054) Константинополь стал центром восточноевропейского

христианства. В древнерусских летописях Константинополь, из которого было принято крещение Руси, именовался Царьградом. Именно этот топоним знает былинная традиция (одна из версий сюжета «Илья Муромец и Идолище»). После падения Византийской империи под ударами турок (1453) бывшая столица Византии стала главным городом крепнувшей Османской империи и получила новое имя — Стамбул.

Песенно-фольклорная традиция второй половины XVIII в., помимо топонима *Стамбул*, который явно поздно вошел в культурный обиход русского общества, помнит и древнерусское название города. Так, в сюжете «Татарские мурзы узнают о победах русских» крымские мурзы — вассалы Турции — о взятии русскими войсками трех городов узнают от Росланбека-мурзы, который «выезжает к ним из *Царяграда*» (№ 444, ст. 23). В другой песне — «Русский адмирал грозит туркам» — русский флот идет к *Царюграду* (№ 469, ст. 18).

Таким образом, историко-песенный фольклор XVIII в. аккумулирует в себе топонимы разных временных пластов, сохраняя наследие предыдущих столетий (Русь → Россия; Киев → Москва → Петербург; Царьград → Стамбул). Топонимы оказываются весьма выразительны в демонстрации преемственности традиции.

ЧЕРНОМОРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Как мы уже указывали, важнейшей целью Русско-турецких войн для России было получение выхода к Черному морю, что свершилось только по окончании последней Русско-турецкой войны в XVIII в.

В ходе войны 1787–1791 гг. большое место занимало Днепровско-Бугское междуречье (ныне Николаевская область Украины) (илл. 1). Устья обеих рек — Днепра и Буга — сходятся в Днепровско-Бугском лимане, игравшем особую важную в стратегическом плане роль. В XIV–XV вв. эти земли принадлежали Великому княжеству Литовскому; позднее, с конца XV–XVI вв., хозяином здесь стало Крымское ханство, а вскоре и Османская империя. Днепровско-Бугский лиман контролировался двумя турецкими крепостями, расположенными на прямо противоположных полуостровах (косах): Кинбурн (восточная крепость) и Очаков (западная).

Крепость Кинбурн была построена в XV в.; Очаков заложен в 1492 г. крымским ханом Менгли Гиреем на месте укрепления Дашев, созданного во времена Великого княжества Литовского. В 1526 г. крепости перешли во владение османов. В рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Кинбурн в 1736 г. был захвачен русскими войсками и разрушен; Очаков был взят в 1737 г. русским генерал-фельдмаршалом Бурхардом Минихом. Однако по условиям мира крепости были возвращены Османской империи. Турки восстановили Кинбурнскую крепость, укрепили Очаков и продолжили контролировать Днепровско-Бугский лиман.

По Кючук-Кайнарджийскому миру (1774) в результате войны 1768–1774 гг. Кинбурн отошел России, но Очаков продолжал оставаться турецким. Потеря Кинбурна заставила турок в 1777–1779 гг. поставить крепость на ближайшем острове Березань, который до этого был необитаемым. Россия, утверждаясь в Причерноморье, в низовьях Днепра заложила Херсон — верфь, которая должна была стать базой для строительства флота.

Первым крупным сражением в войне 1787–1791 гг. стал бой 1 октября 1787 г. на Кинбурнской косе. Османы высадились у Кинбурна с намерением пробиться в Херсон, чтобы сжечь заложенные на верфи русские корабли. Десант был отбит генерал-аншефом А. В. Суворовым. Это была первая битва новой войны. 17–18 июня 1788 г. состоялось сражение под Очаковым, в котором участвовали корабли русской флотилии, разгромившие турецкую эскадру, а также береговые батареи. В результате осады Очакова, продолжавшейся с июня до начала декабря 1788 г., русская армия под командованием Г. А. Потемкина 6 декабря взяла крепость. Длительная осада привела к смертям от болезни многих солдат, за что недоброжелатели упрекали фаворита Екатерины II. Считается, что успеху штурма способствовало замерзание Днепровско-Бугского лимана, в результате чего турецкий флот не мог оказать помощи своей крепости. По новому русско-турецкому мирному договору (Ясский, 1791) Очаков отошел России. Теперь Россия полностью контролировала Днепровско-Бугский лиман.

Взятие *Очакова* нашло место в песенном микроцикле «Осада и взятие

Очакова» (№ 473–489), входящем в цикл песен о турецких войнах (сюжеты «Турок под Очаковым», «Крымский мурза сообщает об осаде Очакова», «Русские обстреливают Очаков», «Осада Очакова», «Солдаты под Очаковым», «Взятие Очакова»).

Топоним *Очаков* называется в разных ситуациях, причем он появляется в речах и противников, и русских военачальников. Так, крымский мурза сообщает своим соотечественникам, что он привез «весточку не радостную»: «*Очаков город атакован / Царем белым*» (№ 474, ст. 18–19). Турецкая «королевна» — песенный персонаж, не имеющий прототипа, — выносит «ключи золотые» и вручает их «православному государю».

Ступай, батюшка православный государь,
 Во мой крепкий город Очаков!
 Не губите, не рубите мою силушку:
 Пусть покорна я буду вам!
 (№ 479, ст. 12–15; ср. № 480).

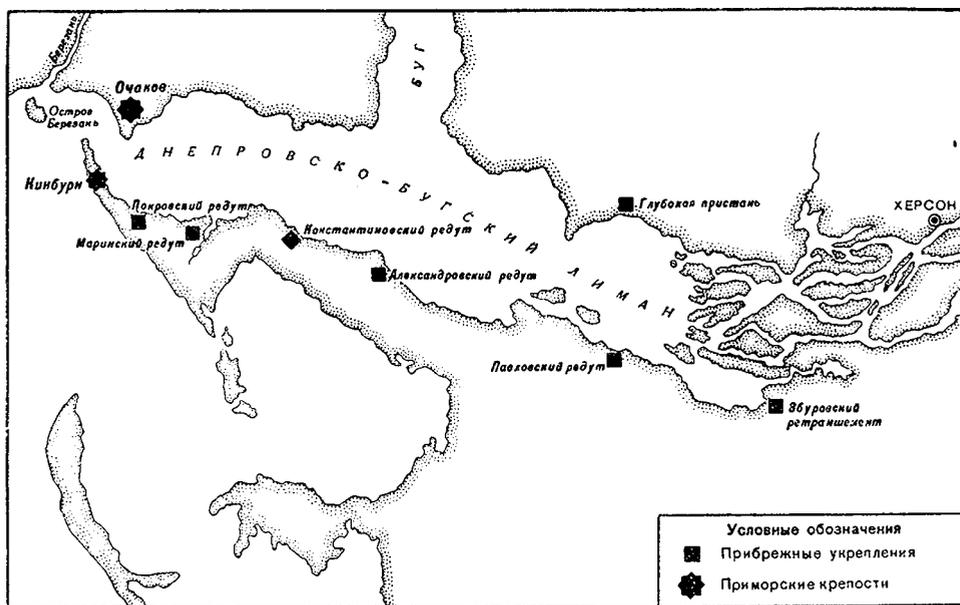
Песня «Осада Очакова» в вариантах № 479 и 480 с очевидностью ориентирована на песню предшествующего периода — «Шведская королева просит помощи» (№ 87–91; песня относится к Северной войне времен Петра I): шведская королева, сидящая в Ревеле, на вопрос генералов, просит ли она помощи от брата-короля,

чтобы защитить город, отвечает, что она посылала курьеров; тут же русская армия входит в город, шведские караулы снимают, расставляет российские караулы.

Сюжет «Шведская королева просит помощи» отражает реальную ситуацию в правящих кругах Швеции в начале XVIII в. Напомним, что король Карл XII в 1700 г. покинул Стокгольм и полностью погрузился в военные сражения на территории Европы. В столице Швеции оставались его сестры, которые последовательно фактически взяли на себя функции главы государства — Гедвига София (1681–1708), а затем Ульрика Элеонора (1688–1741), возведенная официально на престол после гибели Карла XII. Песня «Шведская королева просит помощи», таким образом, отражает фактическое реальное пребывание на престоле в Швеции женщин. Поражение Швеции в Северной войне один из вариантов песни отразил в формуле, перечисляющей города, отошедшие России:

Выходила королевна на крылечко,
 Выносила золотые ключи на серебряном блюде,

Поздравляла царя белого с городами:
 Как со первым городом с Кольвянюю,
 А с другим городком Петербурхом,
 А с третьим городом Эстербеком
 (№ 91, ст. 16–121).

Илл. 1. Прибрежные укрепления и приморские крепости Днепровско-Бугского лимана к сентябрю 1787 года
 Fig. 1. The coastal fortifications and fortresses of the Dnieper-Bug estuary by September 1787

Процитированный вариант из русско-турецкого цикла песни «Осада Очакова» с очевидностью ориентирован на песню из эпохи Северной войны. В этом примере наличествует прямая преемственность традиции, когда в сфере историко-песенного фольклора на основе старой песни в новую эпоху рождается новый сюжет.

В цикле об Очакове имя города фиксируется и в речах русского военачальника. Так, рисуется картина, как Г. А. Потемкин обращается к солдатам (популярный топос в песнях XVIII–XIX вв.):

Стреляйте-ка, солдаты, не робейте,
Свинцу-пороху государева не жалейте —
Кабы боже нам поможе *Очак-город* взяти!
(№ 476, ст. 12–14; см. также № 484, ст. 9–11).

Отражая хроникальную составляющую историко-песенного фольклора, сюжет «Взятие Очакова» (№ 482–489) демонстрирует высокий уровень устно-поэтической памяти. Так, песня помнит, что штурм Очакова свершился 6 декабря — в день Николы Зимнего: «Уж у нас завтра на праздник на Миколу / С турками штурм будет!» (№ 482, ст. 10–11; см. также № 483, ст. 19). В связи с зимним периодом взятия крепости в песне складывается следующая формула, включающая топоним:

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Не спешит ты, зима, с морозами:
Не защита *граду Очакову* —
Стены русские грудью разобьют!
(№ 484, ст. 1–4; см. также № 483, ст. 17–18;
№ 485, ст. 1–3; № 486, ст. 1–3; № 488, ст. 1–3).

В песенном фольклоре Очаков называется «славным» (№ 473, ст. 1; № 482, ст. 1; № 487, ст. 4), «крепким» (№ 479, ст. 13), Очак-городом (№ 476, ст. 14; № 477, ст. 10), Очаговом-городочком (№ 482, ст. 14), градом Очаковым (№ 484, ст. 3), городом Очаковским (№ 478, ст. 5). За этим многообразием формул, полагаем, прочитывается одна из функций, которыми наделяются топонимы в фольклорной традиции, — функция освоения пространства: пространство, бывшее некогда чужим, становится своим.

Как уже было сказано, к началу войны 1787–1791 гг. турки поставили крепость на ранее необитаемом острове *Березань*,

расположенном в устье реки Березань недалеко от Очакова. 7 ноября 1788 г. запорожские казаки под предводительством Антона Головатого захватили это турецкое укрепление и разрушили его. В дальнейшем русское военное начальство посчитало местоположение острова стратегически неперспективным и крепость здесь не восстанавливало. Топоним *Березань* попадает в русский историко-песенный фольклор, причем, подчеркнем — не в казацкий, а в солдатский. Соответственно взятие Березани вписано в круг действия регулярной армии. В песне «Солдаты под Очаковым» (№ 481) описывается, как солдаты из лагеря выходят в поход и переходят реку *Буз* («Перешли мы реку *Буз*», ст. 14). В песне упоминаются и запорожцы: «Нам сказали славный слух: / Запорожцы к нам склонились» (ст. 15–16). Взятие Березани в соответствии с действительностью увязано с осадой Очакова.

Мы пришли к славну лиману,
К устью реки *Березани*.
Там мы лагерь становили,
Весь *Очаков* окружили
(№ 481, ст. 22–25).

См. также: «На покрытый льдом лиман / Флотом взята *Березань*» (ст. 35–36).

Обратим внимание на то, что *Очаков* и *Березань* — единственные топонимы Днепровско-Бугского лимана, запечатленные в песенном фольклоре; Кинбрун места в песнях не нашел. Фольклорная традиция оказывается избирательной; она не отражает всего многообразия исторических событий, происходивших на этих землях.

ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКО-ДУНАЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Днепровско-Прутско-Дунайское междуречье (илл. 2) становится актуальным для русских солдат начиная с Прутского похода Петра I (1711). Днестр, напомним, восточная река, впадающая в Черное море; Прут — левый приток Дуная, очерчивающий западную границу региона; Дунай благодаря изгибу с юга обозначает рассматриваемый регион, впадая в Черное море.

Днепровско-Прутское междуречье с середины XIII в. до 1345 г. находилось

под властью монголо-татар. Затем оно вошло в Венгерское королевство, пока в 1359 г. не было образовано самостоятельное Молдавское княжество, которое в 1538 г. при турецком султানে Сулеймане Великолепном стало вассальной территорией Османской империи.

Историческое наименование этого края — Бессарабия (от имени валашского воеводы Басараба I Великого (1289–1352)). В XVI в. южная часть края (Буджак) оказалась под властью ногайцев — вассалов Крымского ханства. Ногайцы образовали так называемую Буджакскую орду. Еще одна часть территории принадлежала Османской империи. Остальные земли оставались владениями Молдавского княжества. Такое распределение пространства оставалось и в XVIII в.

В песнях о Русско-турецких войнах солдаты и участвовавшие в походах казаки отразили знание об этой территории. В песне «Казак хочет бежать за Дунай» (№ 467) называются все основные топонимы региона — *Прут, Бессарабия, Дунай*. Молодой донской казак намеревается бежать за Дунай.

Ой да на *Пруту*, ой да на *Пруточку* было,
братцы, Бессара...
Пруту Бессара... *Бессарабии*.

<...>

Ой да во полку-то служил с Дону молодой...
С Дону молодой... молодой казак.

Ой не отслужимши, казак, службы ца...
Ой он службы ца... службы царской,
Не отслужимши, сдумал бы он за *Дунай*...
Вздумал за *Дунай*... за *Дунай* сбежать
(№ 467, ст. 1–10).

Подчеркнем, что все три топонима здесь имеют исключительно реально-географическое значение, включая топоним *Дунай*, который, как известно, в русском фольклоре чаще всего нагружается мифологическими смыслами [Иванов, Топоров 1995] (см., например, рождение реки Дунай из крови былинного богатыря Дуная). То же самое реально-географическое значение данного топонима прочитывается и в других песнях. В песне «Победа при Кагуле» остатки армии неприятеля «потопилися / Во глубокой во *Дунай-реке*» (№ 446, ст. 53–54). Обратим внимание, что Дунай-река здесь получает эпитет «глубокая», в котором заключена

реальная (не метафорическая) характеристика этой одной из самых больших европейских рек.

Песня «Каменский за Дунаем» (№ 450) начинается стихом «За славной то было за речушкой быстрым *Дунаем*» (ст. 1). Далее следует диалог между турецким «паши-мурзы» и Каменским-графом: первый спрашивает, зачем тот пришел с российской армией и угрожает солдат-драгун повырубить; второй выражает ответные угрозы. В песне имеется в виду Михаил Федотович Каменский (1738–1809). Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — командир бригады в действиях при Хотине (1769), в штурме Бендер (1770), в сражении при Козлуджи (1774; совместно с А. В. Суворовым); в 1774 г. — командующий левым крылом русской армии. В войну 1787–1791 гг. он действовал в направлении к Яссам (1788), Бендерам (1789), Килии (1790). Дунай в названной песне, подчеркнем, полностью вписывается в фольклорную поэтику (эпитеты «славная» и «быстрая», уменьшительно-ласкательная форма «речушка»). Тем не менее в песне «Каменский за Дунаем» Дунай лишен каких-либо мифологических подтекстов.

В сюжете «Русская армия под Силистрией» (№ 449) Дунай упомянут в связи с его реально-географической связью с городом *Силистрией*:

Горевали мы, под городом стояли,
Под *Селистром* за быстрою
За реченькой за *Дунаем*
(№ 449, ст. 5–7).

Еще в одном топониме — *Троянова дорога*, — как и в гидрониме *Дунай*, также ожидаемо соблазнительно увидеть мифологическое начало, однако, скорее всего, и это имя в цикле песен о Русско-турецких войнах отражает только географическую реалию. Топоним единожды встречается в песне «Победа при Кагуле»:

На рассвете было в середине
На *дороге на Трояновой*,
Подошли мы близко к лагерю,
Окружили нас агаряне
(№ 446, ст. 26–29).

Напомним еще раз, что в июле 1770 г. в ходе войны 1768–1774 гг. русская армия

Илл. 2. Днестровско-Прутско-Дунайское междуречье
Fig. 2. The Dniester-Prut-Danube interfluve

одержала победу над турками в битве при р. Кагул (незначительная речка, впадающая в оз. Кагул). Историко-песенный фольклор географического имени Кагул не знает. Однако исследователи справедливо считают, что текст, из которого мы процитировали отрывок, относится именно к Кагулу. Здесь упоминаются русские военачальники, которые участвовали в этом сражении. Первый — Петр Александрович Румянцев (1725–1796), участник Русско-шведской войны 1741–1743 гг., Семилетней войны 1756–1763 гг. В Русско-турецкой войне генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев командовал войсками в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. В 1774 г. войска П. А. Румянцева перешли Дунай и вынудили турок заключить выгодный для России мирный договор, после чего полководец получил имя Румянцев-Задунайский.

В песне называется также Василий Владимирович Долгоруков (1738–1782), участник Семилетней войны, генерал-майор в 1780 г., чьи войска отличились при Кагуле. Названный в песне Боур — это Бауэр Фридрих Вильгельм (1731–1783), прусский военачальник на русской службе, генерал-квартирмейстер, участвовавший в Кагульском сражении. Бауэр составил образцовую карту Молдавии.

Имя Трояна хорошо известно славянскому фольклору [Петрухин 1995]. У южных славян Троян — демонический персонаж, царь с козлиными ушами и ногами.

В сербской сказке у Трояна три головы: одна голова пожирает людей, другая — скот, третья — рыбу. Царь Троян в сербском фольклоре предстает ночным демоном, обитающим в Троянском граде на горе Цене. Троян навещает по ночам в Среме свою возлюбленную, причем он должен покидать ее до пения петухов. Брат любовницы Трояна вырывает у петухов языки, и Троян задерживается до рассвета. На обратном пути солнце настигает демона, и горячие лучи светила растапливают его.

Троян наличествует и в древнерусской книжности. В списках апокрифического «Хождения Богородицы по мукам» Троян в качестве божества называется в ряду других языческих богов (Перун, Хорс, Дий). В «Слове о полку Игореве» упоминаются «вечи (века) Трояни», «седьмой век Троянь», а также «земля Трояня» и «тропа Трояня». Исследователи полагают, что «земля Трояня» — это римская Дакия (местность в устье Дуная).

Фольклорный Троян, по предположениям ученых, связан с римским императором Марком Ульпием Траяном, по приказу которого на рубеже I–II вв. н.э. в Дакии были построены заградительные валы для отражения набегов варваров на римские провинции. «Тропу Трояня» из «Слова о полку Игореве» исследователи трактуют как военную дорогу в Причерноморье (via Traiani).

Очевидно, что *Троянова дорога* в русской исторической песне как-то связана с «тропой Трояня» и Траяновыми валами — системой валов, расположенных на территории Украины, Молдавии и Румынии. Траяновы валы, имеющие прерывистый характер, в Поднестровье сохранились в виде так называемых Нижнего и Верхнего валов. Нижний Траянов вал начинается в Вулканешском районе Молдовы и доходит до озера Сасык в Одесской области (Украина); Верхний Траянов вал располагается в Молдове — от Бендер тянется к реке Прут у Леова. Траяновы валы сохранились и в современной Румынии: 60 км валов пересекают перешеек между Дунаем и Черным морем возле городов Чорнавода и Констанца.

Повторим еще раз: в песне «Победа при Кагуле» мифологические пласты имени Трояна, запечатленные в славянском фольклоре, не прочитываются.

Троянова дорога предстает просто реальной дорогой, которой движутся русские солдаты. Очевидно, что чем ближе носители (и создатели) историко-песенных фольклорных произведений находятся к определенной географической точке (Дунай, Троянова дорога), тем менее она нагружается возможными мифологическими смыслами.

В двух песенных сюжетах — «Взятие Хотина» (№ 456, 457) и «Генерал Прозоровский в гостях у турецкого визиря» (№ 458) — называется *Хотин* — важная в стратегическом отношении османская крепость в Бессарабии. Хотин расположен на правом берегу Днестра (ныне Черновицкая область Украины). Каменная крепость была поставлена в XIII в., когда эта территория принадлежала древнерусскому Галицко-Волынскому княжеству. С XIV в. это Молдавское княжество, которое перестроило крепость во второй половине XV в. Молдавский господарь Петр Рареш в 1541–1546 гг., когда Молдавское княжество уже стало вассальным государством Османской империи, укрепил крепость. В 1615–1621 гг. на короткое время Хотин оказался под властью Речи Посполитой. В союзе с Молдавским княжеством казаки выступили против Речи Посполитой, и крепость вернулась Молдавскому княжеству. Однако с 1711 г. Хотин оказался под властью турок.

Россия в XVIII в. трижды подступала к Хотину. В рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. крепость была взята в 1739 г., но вскоре отвоевана турками. Во время войны 1768–1774 гг., после победы над армией великого визиря Молдаванчи (29 августа 1768 г.), войска князя Александра Михайловича Голицына (1718–1783), в молодости подвизавшегося при «молодом дворе» будущей Екатерины II, участника Семилетней войны, вошли в оставленный турками Хотин. Однако по итогам войны крепость осталась за Османской империей. В ходе войны 1787–1791 гг. Хотин капитулировал в сентябре 1788 г. (командующий П. А. Румянцев). Но только после войны 1806–1812 гг. (Хотин взят в 1806 г.) город отошел России.

Историческая песня отражает «переходный» характер Хотина, который неоднократно становился русским, но на протяжении всего XVIII в. так и не стал

«своим». Сюжет «Взятие Хотина» начинается строками:

Ах мы Польшею идем,
Сами песенки поем;
Подходили под *Хотин*,
Промеж себя говорим:
«Уж ты *город наш Хотин!*
Мы стоять в тебе хотим»
(№ 457, ст. 1–5).

Далее описывается призыв Прозоровского-генерала идти на штурм и бегство турок: «Турки гласно закричали, / От *Хотина* прочь бежали» (№ 457, ст. 27–28). И затем, в нарушение всех художественных законов исторического фольклора, нацеленного на результативную победу, но в соответствии с исторической правдой, рисуется уход русских войск из Хотина:

Оставайся наш *Хотин*,
Мы стоять в тебе не станем:
Как пришла на ум Москва —
Одолела нас тоска
(№ 457, ст. 29–32).

Имя Прозоровского-генерала позволяет трактовать песню именно как произведение, отражающее взятие Хотина в войну 1768–1774 гг. Князь Александр Александрович Прозоровский (1733–1809), участник Семилетней войны, в 1769 г. отличился под Хотинском; после взятия крепости он был направлен во главе отдельного отряда в Молдавию. К имени А. А. Прозоровского прикрепился сюжет-топос «неузнанный русский военачальник в гостях у неприятеля» (№ 458 «Генерал Прозоровский в гостях у турецкого визиря»), причем здесь также называется *Хотин* (ст. 3).

По-видимому, топоним *Шатин-город*, встретившийся в тексте № 463 «Гибель одного из трех братьев» («Мы *Шатин-город*, братец, в полон взяли», ст. 13), — это искаженное имя того же Хотина.

В песнях о Русско-турецких войнах в связи с Хотинском упоминается *Польша*, причем, подчеркнем, именно в форме этого топонима. Судьба Речи Посполитой, могущественного государства в XVI–XVII столетиях, в XVIII в. оказалась трагичной. В 1772 г., воспользовавшись внутренней смутой в Польше,

Россия, Пруссия и Австрия произвели первый раздел, отторгнув от нее значительные территории. К России отошли стоящие на Даугаве (Западной Двине) Динабург (Даугавпилс, ныне — Латвия), Полоцк и Витебск (Белоруссия), Могилев (на Днепре) и Гомель (р. Сож; также Беларусь). В 1793 г. российскими стали ныне белорусские города Минск, Слуцк, Пинск и ныне украинские Житомир, Черкассы и Брацлов. При последнем разделе Польши (1795), приведшем к полному уничтожению государства, российскими приобретениями оказались Митава (ныне Елгава, Латвия), Ковно (Каунас) и Троки (Тракай, ныне Литва), Гродно, Брест и Луцк (Белоруссия).

Песня «Взятие Хотина» начинается строками «Как мы *Польшею* идем, / Сами песенки поем. / Идем брать Хотин» (№ 456, ст. 1–3; см. также № 457, ст. 1). В 1769 г., события которого описывает песня, Польша как государство, находившееся в сильной зависимости от России, естественно, предоставила свои территории для свободного передвижения русских войск.

В варианте № 456, помимо Хотина и Польши, называются также **Бендеры**. В Бендеры, согласно песне, из-под Хотина бежит Караман-паша, чтобы объявить визирям о поражении: «Он в *Бендеры* поспешал, / В *Бендеры* поспешал» (№ 456, ст. 44–45).

Крепость Бендеры расположена на правом берегу Днестра (ныне непризнанная Приднестровская Молдавская Республика). Бендеры впервые упомянуты в документах в 1408 г. С продвижением Турции в днестровско-прутские земли Бендеры стали турецкой провинцией. Здесь турками была поставлена серьезная крепость. История Бендер в XVIII в. во многом аналогична истории Хотина. В рамках Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в сентябре 1770 г. Бендеры были взяты генерал-аншефом Петром Ивановичем Паниным (1721–1789), но по мирному договору были оставлены Османской империи. 3–4 ноября 1789 г. в ходе войны 1787–1791 гг. Бендеры снова пали перед русскими войсками. Левобережье Днестра по Ясскому мирному договору отошло России, но правый берег, на котором стоят Бендеры, вновь остался за Турцией. Наконец, уже в XIX в. во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

в самом начале военных действий Бендеры были взяты русской армией и на этот раз по Бухарестскому миру были включены в состав России.

В историко-песенном фольклоре взятие Бендер связано с именами Г. А. Потемкина, Исаева и Араканцева (№ 461, 462). Все три персонажа — реальные участники событий 1789 г. Григорий Александрович Потемкин (1739–1791) к 1789 г. был хозяином новороссийских земель. Создатель Черноморского военного флота, основатель городов Екатеринослав (1776), Херсон (1778), Севастополь (1788), Николаев (1789), тайный супруг Екатерины II (считается, с 1774 г.), он был главнокомандующим армией в последней Русско-турецкой войне XVIII в. Согласно песне, Потемкин пишет письмо Исаеву, чтобы тот был готов к штурму Бендер: «Ой да ну как пишет письмо / Наш Потемкин-князь да / Кы Исае... кы Исаюшке» (№ 461, ст. 1–3). Известно, что упоминаемый в песне подполковник И. И. Исаев командовал одним из казачьих полков. Есаул Филипп Иванович Араканцев в составе полка Исаева участвовал в боях под Очаковым и Бендерами. За общее отличие в боях с турками 9 июня 1790 г. он был произведен в капитаны, а позднее стал командиром одного из донских казачьих полков [Захаревич]. В песне читаем:

Шел-прошел Араканцев под *Бендер-город*.

Не дошедши до *Бендер*, Араканцев

становился,

Потревожил он всю армиюшку турецкую

(№ 462, ст. 6–8; ср. № 461, ст. 95).

В варианте № 461 называется также есаул Зазерсков — по-видимому, также реальное лицо. Зазерсковы принадлежали к донскому казачеству.

Очевидно, что варианты № 461 и 462 песни «Русская армия под Бендерами» были созданы в казачьей среде. Бендеры называются и в варианте № 460 (строка «Как у нас было за *городом* за *Вендерой*», ст. 1), где называется имя А. В. Суворова, победа которого в сражении на р. Рымник, напомним, привела к тому, что турки без боя сдали Бендеры.

Александр Васильевич Суворов (1729 или 1730–1800), основатель русской военной теории, как известно, был главным героем и при взятии турецкой крепости **Измаил**, расположенной на левом берегу

Килийского рукава Дуная в 93 км от Черного моря. Крепость была основана Османской империей через столетие после завоевания в конце XV в. низовьев Дуная. Считается, что она была построена в 1590 г. Россия несколько раз приступала к этому стратегически важному укреплению. В 1770 г. ее взял Николай Репнин, но по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Измаил отошел Турции. В декабре 1790 г. состоялся знаменитый штурм А. В. Суворова, при котором Измаил, существенно укрепленный и считавшийся неприступным (мощный вал и широкий ров), был захвачен в течение нескольких часов. Турки тогда потеряли 26 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными. Взятие Измаила было воспето в гимне «Гром победы, раздавайся!» (слова Г. Р. Державина, музыка Осипа Козловского), который впервые был исполнен в Таврическом дворце на празднике, устроенном Григорием Потемкиным для Екатерины II. До 1816 г. «Гром победы, раздавайся!» являлся неофициальным гимном России (его сменил «Боже, царя храни!»). Однако по Ясскому миру крепость опять была возвращена Османской империи. Уже в начале XIX в., в 1809 г., генерал Андрей Павлович Засс (1753–1815) снова взял Измаил, и теперь город вошел в состав Российской империи и получил имя Тучков. Но в 1856 г. после поражения в Крымской войне под давлением европейских держав Россия вынуждена была отдать крепость Молдавскому княжеству — вассальному государству Османской империи. В 1877 г. в результате Балканской войны крепость снова стала русской. С 1918 по 1940 г. она была аннексирована Румынией; в 1940 г. присоединена к СССР. В настоящее время это Одесская область Украины.

Взятие Измаила в 1790 г. отражено в песне, в которой явственно прочитывается казачье происхождение:

Ночи темны, тучи грозны
 По поднебесью плывут —
 Наши стройные казаки
 Под *Измаил-город* идут
 (№ 466, ст. 1–4; см. также № 465, ст. 1–4).

При взятии Измаила отличились войска казачьих бригадиров М. И. Платова (будущий Донской атаман) и В. П. Орлова. М. И. Платов, герой песен войны 1812 г.,

именно за взятие Измаила получил чин генерала. Однако, подчеркнем, песня «Взятие Измаила» не запомнила имен ни названных казачьих атаманов, ни М. И. Кутузова, принимавшего участие в штурме города. Песня не называет даже имени А. В. Суворова. Фольклорная традиция демонстрирует, что топонимы оказываются — по сравнению с характеристиками времени и реально-историческими персонажами — наиболее устойчивым компонентом историко-песенного фольклора. Не запомнив имя А. В. Суворова, песня помнит имя локуса, далекого от России: «Трудна служба нам, казакам, — / Под *Измаил-город* поход» (№ 466, ст. 9–12).

Сюжет «Взятие Измаила», при явственной казачьей основе, строится по законам солдатских песен-хроник. Найдем мы в цикле песен о Русско-турецких войнах и произведения, вырастающие из старинного казачьего фольклора. Такова песня «Казак Иван Левшинов бьется с турком» (№ 490, 491). Коллизия этой песни строится на мотиве вызова неприятелем поединщика (ср. былинку «Илья Муромец и Сокольник», где несостоятельными поединщиками оказались Алеша Попович и Добрыня Никитич, и только Илья Муромец сумел дать достойный отпор нахвальщику Сокольку; см. также историческую песню «Кострюк»). В песне «Казак Иван Левшинов бьется с турком» «молодой турчин» вызывает поединщика из донцов: «Как и нет ли у вас, донцы, мне да охо... мне охотничка. <...> На мене, турчина, из вас поеди... поединничка» (№ 490, ст. 18–20). Как и в «Кострюке», на вызов откликается названный по имени и отчеству Иван Иванович Левшинов — «донской малолеточек» из «задней шеренгочки», т. е. в этом образе прочитывается тема предварительной недооценки героя, описанная А. П. Скафтымовым [Скафтымов 1924]. По-видимому, Левшинов — это реальное лицо.

Анализ пространства исторических песен XVIII в. о Русско-турецких войнах позволяет сделать несколько выводов. Историко-песенный фольклор нового времени оказывается весьма избирательным. В песнях не запечатлеваются события, не приведшие к значимым для России результатам (в традиции отсутствуют песни о первой и второй Русско-турецких войнах). С другой стороны, песни, сложенные

в военной среде, нацелены почти исключительно на отражение сражений, памятных солдатам. Такое масштабное событие, как присоединение Крыма к России, произошедшее без заметных военных столкновений, в солдатской песенной традиции места не нашло. Историко-песенный фольклор не знает географических имен ни Крыма, ни Бахчисарая.

Хроникальный характер солдатского фольклора сохраняет в песнях многие исторические реалии: время того или иного события (Николин день — взятие Очакова в 1788 г.); имена военачальников. Однако топонимы, обозначающие историческое пространство, порой оказываются гораздо более устойчивыми, чем имена полководцев. Выразительным примером является отсутствие имени А. В. Суворова в сюжете «Взятие Измаила». Очевидно, что одна из функций

топонимов — освоение пространства — становится ведущей в историко-песенном фольклоре.

Песни о Русско-турецких войнах XVIII в. на уровне топонимов демонстрируют разновекторные связи со сложившейся ко времени их возникновения фольклорной традицией. С одной стороны, историко-песенный фольклор, наряду с современными ему географическими названиями, помнит и использует топонимы предшествующих эпох (Русь и Россия; Царьград и Стамбул; Киев, Москва, Петербург как столицы государства). С другой — попадая непосредственно в локусы, наполненные в устной традиции мифологическими смыслами, солдаты в своих песнях выхолащивают мифологическую семантику, придавая географическим именам исключительно реальное значение (Дунай, Троянова дорога).

Источники и материалы

Брокгауз — Ефрон — *И. О. Турецкие войны России* // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 34. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. С. 123–159.

БРЭ — *Русско-турецкие войны* // Большая российская энциклопедия. Т. 29. М.: Бол. рос. энцикл., 2015. С. 88–92.

БСЭ — *Русско-турецкие войны 17–19 вв.* // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 22. М.: Сов. энцикл., 1975. С. 418–423.

Захаревич — *Захаревич А. В. Поражение казаков Донского полка Араканцева 29 октября 1808 года при переправе закубанцев у крепости Прочноокоской.* URL: http://www.reenactor.ru/ARN/PDF/Zaharevic_00.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

ИП 1971 — *Исторические песни XVIII века* / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971.

Петров 1880 — *Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II: В 2 т.* СПб.: Тип. Р. Голике, 1880.

Петров 1893 — *Петров А. Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия*

на развитие русского военного искусства. Т. 1: 1769–1774 гг. СПб.: Военная тип., 1893.

Сов. ист. энцикл. — *Мещеряков Г. П. Русско-турецкие войны 17–19 вв.* // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Сов. энцикл., 1969. Стб. 374–390.

Хронологический указатель — *Хронологический указатель военных действий русской армии и флота: В 5 т. Т. 1: 1695–1800.* СПб.: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1908.

Исследования

Иванов, Топоров 1995 — *Иванов В. В., Топоров В. Н. Дунай* // Славянская мифология: Энцикл. словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 171–173.

Овчинников 2015 — *Овчинников В. Д. Борьба за Крым. XVIII век: историко-документальное исследование.* М.: Русский мир, 2015.

Петрухин 1995 — *Петрухин В. Я. Троян* // Славянская мифология: Энцикл. словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 377.

Скафтымов 1924 — *Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин: Очерки.* М.; Саратов: В. З. Ясанов, 1924.

© Т. Г. Иванова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Т. Г. <https://orcid.org/0000-0003-3679-4634>

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4; тел.: +7 (812) 328-19-01; e-mail: tgivanova@inbox.ru

Historical Space in Songs of the Eighteenth Century About the Russian-Turkish Wars

Tatyana G. Ivanova

(Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences:
4, Makarov emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Summary. This article deals with historical songs of the eighteenth century dedicated to the Russian-Turkish wars of 1768–1774 and 1787–1791. The focus of the study is the historical space depicted in the songs as expressed by toponyms. It analyzes the opposition “own” / “alien” in connection with the toponyms Russia and Turkey and examines the place of the capital cities Moscow, St. Petersburg, and Kiev in their poetics. Attention is drawn to the fact that in folklore the capital of Turkey is called both by its official name and by the ancient name Tsargrad. Historical and song folklore of the eighteenth century accumulates toponyms of different time layers, preserving the heritage of previous centuries. Toponyms are very expressive in demonstrating the continuity of tradition. Thus in historical songs Moscow is in the first place, not St. Petersburg. The article also considers the Turkish loci of the Black Sea region which became relevant for Russian soldiers in connection with military operations in this region (Ochakov, Berezan). The second region that is in the focus of attention is the Dniester-Prut-Danube area (Danube, Silistria, Khotyn, Bender, Izmail). Notably, the toponyms Danube and Troyanova Doroga (Trojanov Way) lack the mythological subtext found in other (non-song) works of folklore. The author also considers the connections between the historical and song folklore of the eighteenth century with the earlier folklore tradition.

Key words: historical songs of the eighteenth century, Russian-Turkish wars, historical space, toponyms, soldiers' songs and folklore tradition.

Received: March 5, 2021.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Ivanova T. G. Historical Space in Songs of the Eighteenth Century About the Russian-Turkish Wars. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 26–40. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.002>

References

Ivanov V. V., Toporov V. N. (1995) Dunai [The Danube]. In: *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ellis Lak. Pp. 171–173. In Russian.

Ovchinnikov V. D. (2015) Bor'ba za Krym. XVIII vek: istoriko-dokumental'noe issledovanie [The Struggle for the Crimea. The Eighteenth

Century: Historical and Documentary Research]. Moscow: Russkii mir. In Russian.

Petrukhin V. Ya. (1995) Troyan [Trojan]. In: *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ellis Lak. P. 377. In Russian.

Skaftymov A. P. (1924) Poetika i genezis bylin: Ocherki [The Poetics and Genesis of Byliny: Essays]. Moscow; Saratov: V. Z. Yaksanov. In Russian.

© T. G. Ivanova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana G. Ivanova <https://orcid.org/0000-0003-3679-4634>

E-mail: tgianova@inbox.ru

Tel.: +7 (812) 328-19-01

4, Makarov emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DSc in Philology, Head Researcher, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)